

ДОСТОИНСТВО ТАЛАНТА

(штрихи к творческому портрету Р.М. Сергиенко)

Первый спектакль, увиденный мною в Ла Скала, — "Аида". Он принес и радость встречи с высоким искусством Оперы, и... удивление: Аиду пела хорошая певица, но наша Раиса Сергиенко не только ни в чем ей не уступала, — она была лучше! И красотой, и звучностью голоса, и эмоциональностью. В это трудно было поверить: ведь у нас "периферия", а там — Мекка вокального искусства... И тем не менее...

Пожалуй, не было в Одессе в 50-80-е годы недавно завершившегося столетия певицы более популярной, чем Сергиенко. Она — по праву таланта и вдохновенного труда — была первой (и, как потом оказалось, единственной) артисткой, удостоенной высшего почетного звания. И все-таки не это, по-моему, самое важное. Ее любили слушатели, ее чтители и продолжают чтить, несмотря на то, что прошло более полутора десятилетий после трагически преждевременного ухода певицы. Недавно мне прислали номер газеты "Одесский маяк" из Лос-Анджелеса со статьей о Раисе Михайловне. Ее поминают добрым словом и в Австралии, Канаде, Германии, Израиле — везде, где разбросаны судьбой люди, которым посчастливилось узнать и полюбить искусство замечательной певицы, имя которой по праву таланта и свершений вошло в историю украинского оперного искусства.

Сейчас модно искать свои "дворянские корни", говорить об элитарности искусства, снисходительно улыбаться, когда вспоминают формулу "искусство принадлежит народу"... Наверное, оно не должно никому "принадлежать", но без живительной связи с демократической аудиторией искусство не может существовать... Если современные "мэтры" (и "сантимэтры") тешат себя рассуждениями о "парении в эмпиреях", то Чайковский, например, мечтал о том, чтобы его музыка стала "достоянием — при благоприятных условиях — всего народа". А Верди, Глинка, Пушкин, Толстой, Шаляпин, Баттистини, Руффо, Нежданова и многие другие деятели мировой культуры видели силу ее в единении с народом, о котором некоторые "прогрессисты" говорят сегодня если не с презрением, то снисходительно.

Раиса Сергиенко родилась в 1925 году в Новоукраинке, в семье, профессионально с музыкой не связанной. Родители любили музыку, участ-

вовали в художественной самодеятельности и привлекли к ней Раю, увлеченно внимавшую народной песне.

Впервые она услышала оперу, когда к ним приехал специальный железнодорожный вагон с одесскими артистами и декорациями "Паяцев". Спектакль произвел на девушку большое впечатление, но ей и в голову тогда не могло прийти, что спустя несколько лет она станет певицей, которой посчастливится петь в одних спектаклях с услышанными ею в тот день корифеями оперного искусства.

В то время Раиса Сергиенко готовилась стать педагогом-филологом. Чувствовала она себя не очень уютно: ее девичьи годы пришлось на оккупацию, это отбросило тень на все мироощущение, породило смутное чувство "вины". После окончания войны она вышла замуж за В.А. Стратонова, чья забота и энергия помогли ее становлению. Когда Раиса приехала в Одессу на смотр самодеятельности, В. А. добился прослушивания жены в консерватории. Сама профессор, народная артистка Украины О.Н. Благовидова благословила Сергиенко на поступление в вуз, который та окончит с отличием. Ее имя занесли на мраморную Доску почета, где оно соседствовало с именами Ойстраха, Гилельса, Гришко, Зака, Данькевича, Чавдар, Христинич, Олейниченко, Поливановой (к сожалению, эта доска исчезла, судьба ее неизвестна).

Профессор Н.Д. Покровский, тогда главный дирижер Одесского театра оперы и балета, пригласил Сергиенко в труппу. Она блестяще дебютировала в партии Наташи в "Русалке" Даргомыжского. Ее партнерами были выдающиеся мастера одесской оперы И. Тоцкий (Мельник), Н. Топчий (Князь). Певицу приняли доброжелательно маститые коллеги, восторженно — зрители. Покровский оберегал молодую исполнительницу, заботясь о ее естественном, постепенном творческом развитии.

Сергиенко интенсивно осваивала новый репертуар. Работала щедро, пела всегда эмоционально, неизменно находя путь к сердцам слушателей. Природа одарила ее редким голосом — мощным и теплым лирико-драматическим сопрано полного диапазона, красивого тембра, сохранявшегося во всех регистрах. Его насыщенное звучание сочеталось с полетностью. Исполнение неизменно отличалось взволнованностью, искренностью. Е.К. Каткульская (знаменитая певица и педагог, к слову, уроженка Одессы) определяла пение как "повышенное душевное состояние". Эти слова по праву могли быть применены к искусству Сергиенко, которое захватывало с первых же звуков, спетых певицей, всегда создавало в зале приподнятое настроение.

Певцам с большими голосами нередко свойственно утрированное пение, пренебрежение авторскими указаниями. Сергиенко никогда не любовалась "звучком", не "ставила" фермат вопреки замыслу композитора, не пела "на публику": от этого ее надежно оберегал природный вкус, школа, полученная в классе С.И. Щавинской, ученицы знаменитого В.А. Селявина.

К.С. Станиславский призывал певцов петь не "голые ноты", а "ноты-мысли". Сергиенко, как мне думается, пела "ноты-чувства", из которых рождались мысли. Стихия ее дарования — глубокий, искренний лиризм, "истина страстей". Исполнение певицы отличалось не только верностью замыслу композитора, но и чутким вниманием к слову: она всегда бережно доносила до слушателей текст. У нее была чистая дикция: Р. М. уделяла большое внимание согласным, произнося их так же четко, как гласные, — искусство, редкое среди вокалистов.

Творческий метод Сергиенко-актрисы был основан на принципах корифеев русского и украинского театров. Следуя мудрому совету В.И. Немировича-Данченко в каждой роли исходить из самого себя, искать себя в каждом герое, Сергиенко на сцене (да и в жизни) была начисто чужда вычурности, манерности, формальной сложности. Ее отличала та высокая простота, "которая приходит лишь к артистам, бережно и бескорыстно преданным искусству, влюбленным в него до самозабвения" (Мария Заньковецкая). Она наследовала творческие достижения прославленных деятелей украинского театра Садовского, Саксаганского, Крушельницкой, Кипоренко-Доманского, Петрусенко, Гайдай...

Михаил Чехов говорил: "Слушайте голос и вы узнаете человека". Мне представляется, что секрет успеха Сергиенко заключался и в ее человеческих качествах, отражавшихся в сценических созданиях. Воспитанник нашей консерватории М. Гришко уже в ранге корифея украинской оперы писал о Сергиенко: "У нее подлинное профессиональное мастерство, теплота, задушевность, все это очаровывает, трогает до глубины души. Она всегда украшение спектакля. Это настоящая певица, достойная большой сцены".

У Раисы Михайловны был обширный репертуар. Многие успехи Сергиенко связаны с музыкой Чайковского. Это, прежде всего, Иоланта, которая была у нее очень трогательна и обаятельна. Но Р. М. создавала образ не "бедняжки", которую "жестокая и злобная судьба дара драгоценного лишила", а молодой женщины, способной на глубокое чувство и самопожертвование ради любви.

Не знаю, была ли знакома Сергиенко со словами Чайковского о душе Татьяны, "полной чистой женственной красоты", но именно такой была ее героиня. В облике Лизы в "Пиковой даме" Раиса Михайловна, вслед за Держинской, подчеркивала не "демонические" страсти, а "теплоту и боль женского сердца". Она была замечательной Марией в "Мазепе". Вот уже сколько десятилетий прошло, а в памяти живет исполнение певицей колыбельной Марии в финале оперы.

С успехом пела Сергиенко Ольгу в "Псковитянке", Милитрису в "Сказке о царе Салтане". Ее большой удачей стала Ярославна в "Князе Игоре". В многогранном образе, созданном исполнительницей, лирические грани соседствовали с героическими. Впервые Р. М. спела Ярославну в день своего рождения 13 июля 1965 г. в гастрольном спектакле солиста Большого театра Ивана Петрова, исполнявшего Галицкого. В дневнике она запишет: "Успех был большой, много цветов... Иванов (Евгений Николаевич, известный бас, педагог — **В. М.**) меня очень хвалил... 13 лет не решалась спеть Ярославну, но, слава Богу, все благополучно".

Особо были близки Сергиенко персонажи в украинских операх. Тридцать(!) лет пела она Одарку. Впервые вышла на сцену в "Запорожце" через два года после гастролей на одесской сцене легендарного дуэта М. Литвиненко-Вольгемут и И. Паторжинского. И хотя трактовка Литвиненко представлялась идеально слившейся с музыкой и пьесой, Сергиенко удалось ни в чем не повторить предшественницу, создать свой образ: она акцентировала женское обаяние "молодыщи", смекалку, чувство юмора. С блеском проводила Р. М. знаменитый дуэт первого акта (ее первым партнером был Н.П. Савченко, а затем на долгие годы Е.Н. Иванов, любимый коллега, друг, и А.П. Рихтер), а с какой легкостью, удалью буквально пролетала по авансцене Одарка-Сергиенко в третьем акте!..

В 1954 году она впервые спела Наталку: "Люблю Наталку, по душе она мне... Пела премьеру очень-очень хорошо" (тоже запись из дневника; специально хочу подчеркнуть, что это беспощадный дневник, в нем отмечены все неудачи с редкой прямоотой, это следует иметь в виду, читая цитируемые фрагменты, где запечатлена радость исполнительницы). Конец 1975 года ознаменовался премьерой "Катерины" Аркаса: "Полюбила эту партию с первого урока... Успех большой... На все спектакли иду с удовольствием".

Да, славянская музыка была близка Сергиенко, но она показала себя мастером перевоплощения, когда обращалась к операм мировой классики, где уже не могла опираться на собственный опыт, на свою природу.

Одна из вершин Сергиенко, актрисы и певицы — Аида. Возможно, это связано с отмеченной Г. Ларошем особенностью оперы: "Музыка Верди в "Аиде" произвольно приняла несколько русский характер... На богатую почву его таланта пали кое-какие глинкинские семена".

Аида-Сергиенко не раба: гордый и благородный дух ее отражается во взгляде, который она прячет от соперницы, боясь выдать свои чувства. Но певица не подчеркивала и царственность героини. Венец и трон для нее менее важны, чем свобода, дающая право на любовь... Финал сцены на площади. Соперница торжествует, горе Аиды безмерно. Как передать его, если Верди написал великолепный, но такой плотный ансамбль, в котором заняты все герои, хор, оркестр? Голос Сергиенко пробивал мощный звуковой массив, ибо в нем билась боль, отчаяние сердца Аиды...

У Сергиенко никогда не было "пустых" мест. Даже если ее героиня молчала, она жила. Снова вспоминается сцена на площади. Возвращение триумфаторов. Аида в стороне, у подножия трона, все внимание постановщика отдано победителям. Но мы не можем не следить за героиней Сергиенко, оторваться от ее огромных лучистых глаз, передающих сложную гамму чувств...

Однажды увидев, невозможно было забыть слезы ее Аиды, Джоконды, Чио-Чио-сан, Манон, Тоски... Казалось, это о ней было сказано: "Над вымыслом слезами обольюсь". Ее слезы были искренни, но они не мешали пению. Зрители не могли не сопереживать героиням певицы. Многие плакали на ее спектаклях... Согласитесь, это не часто встречается на практике, а не в умозрительных публикациях.

Знала певица признание и больших профессионалов: А. Пирогова (они пели вместе в "Русалке"), А. Кривчени ("Запорожец"), Б. Гмыри, З. Анджапаридзе, К. Зариня, З. Бабия, В. Третьяка. Гордилась, когда Н. Покровский сказал, что она поет "большого Верди", когда ее одобрил Е. Иванов ("сам Женя меня хвалил"), когда приходили поздравлять с успехом Г. Проваторов, О. Благовидова, Я. Вошак, Г. Поливанова... (К слову, уже в ранге профессора, академика, народной артистки Украины Галина Анатольевна говорила мне, как в молодые годы она старалась не пропускать спектакли "Русалки" с участием Сергиенко и часто слушала ее из-за кулис.)

Знала она и официальное признание: вторая премия Всесоюзного конкурса 1956 года (первая у Г. Олейниченко, среди лауреатов третьей премии Б. Руденко, Г. Поливанова), звание заслуженной артистки в следующем году ("когда услышала по радио Указ, начала бегать по квартире,

плакать"), народной республики ("счастью нет предела, счастье захлестнуло"), народной Союза ("Я об этом думать боялась, а сбылось, плакала, рыдала... Нет, недаром отдаю театру всю жизнь... Господи, спасибо!").

Ее чтили самые взыскательные в театре люди — артисты хора и оркестра. Собинов писал: "Когда вместе с залом аплодируют и хор, и оркестр, и рабочие сцены, вот это значит, что искусство исполнило свою священную заповедь: оно дошло до человеческой души". На чествовании Сергиенко в связи с присвоением ей звания народной артистки страны прозвучало приветствие артистов хора и оркестра:

...За труд твой огромный спасибо, за радость работы с тобой,
За то, что ты просто товарищ, член нашей семьи трудовой...

...И пусть всегда на нашей сцене звучит прекрасный голос твой,
А что касается оркестра, ты пой, а мы всегда с тобой.

От солистов ее приветствовала отличная певица и прекрасный человек (позднее она трагически погибнет в автокатастрофе) Ася Глинкина:

Мы все хотим тебя поздравить
И искренне, сердечно пожелать
Всегда красивой быть, всегда звучать,
Прелестной ножкой сильный пол пленять
И никогда не унывать.

У Раисы Михайловны было много почитателей. В их числе профессор медицины, пианист, дирижер А.М. Сигал, педагог и скрипач А.М. Баренбойм, посвятивший певице талантливый акростих:

Смогли Вы воплотить в Елизавете
Единство чувства, мысли, красоты,
Роднят актрису с королевой эти
Гармонией рожденные черты.
И кто ж родству подобному не рад?
Едва ли есть удел на свете краше:
Надев опять свой будничный наряд,
Корону царскую вернув на склад, —
Остаться все ж властительницей нашей!

(Елизавета Валуа — героиня оперы Верди "Дон Карлос".)

Р. М. знала и международное признание. Один из "пиков" — гастроль на сцене Бухарестской оперы, где она пела Аиду со всемирно известными вокалистами З. Палли (Амнерис) и Г. Зобианом (Радамес). Из рецензии: "В заглавной роли певица Сергиенко пленила слушателей теплым голосом прекрасной красоты, мастерством сценической игры. В ариях и дуэтах она показала себя мастером высокого класса... Спектакль стал ярким событием высочайшего уровня".

В архиве певицы бережно хранилось приглашение в Большой театр, которым она не воспользовалась: в ее трудовой книжке только одна запись — "Одесский театр оперы и балета". Она была верной женой, другом, преданной дочерью, матерью, бабушкой.

Н.Д. Покровский рассказывал мне, как встретил однажды плачущую Раису Михайловну: "Нужно ехать на зарубежные гастроли, а кто будет обеспечивать быт семьи?". Обычно люди плакали, если их не посылали на гастроли, заметил Николай Дмитриевич...

Она и Галина Поливанова были соперницами на сцене, возможно, они не испытывали особо теплых взаимных чувств, но их отношение к делу было достойно уважения и подражания: обе НИКОГДА не подводили друг друга — старались заблаговременно предупреждать о необходимости замены, чтобы не поставить в неловкое положение коллегу...

Раиса Михайловна умела дружить. С какой теплотой говорила мне о ней концертмейстер Анна Владимировна Черткова, с которой Раису Михайловну связывали многолетние искренние, доброжелательные отношения (сама А. В. была высокопрофессиональным музыкантом и светлым человеком, так много доброго сделавшим для театра за шесть десятилетий честного труда).

Сколько тепла отдавала Сергиенко больной внучке. Не случайно та умерла вскоре после того, как ушла из жизни Раиса Михайловна, ибо лишилась опоры...

Когда уходила навсегда сама Раиса Михайловна, раздался звон колоколов. Некоторые удивлялись: "Как это? Она ведь член партии". Да, она была членом партии, ибо разделяла ее идеи (увы, не все "партийцы" жили в согласии с идеями), но чего греха таить: без членства в партии не было бы хода таланту, официального признания... Всю сознательную жизнь Сергиенко была истинно верующим человеком. И это уживалось в ней, как, например, у И.С. Козловского, Н.С. Голованова, А.В. Неждановой, академика В.П. Филатова и других честных людей, вынужденных скрывать свою веру. В этом отношении показательны дневники Раисы Михайловны.

"...5 мая 1975 года первый спектакль после смерти моей золотой, дорогой, любимой Мамочки... Нет слов, чтобы выразить скорбь и муки... Она жила моими успехами и радостями. Всегда говорила мне: "Пой, моя ненаглядная, с Богом!" Я и пою с Богом..."

...Сергиенко очень любила море, до самозабвения. А.М. Баренбойм посвятил ей строчки:

И годы, и штормы, и холод
Для Вас не помеха,
Ведь к Вашим услугам в любую погоду
И музыки море, и море успеха.

Однажды она записала: "купалась в Божьем море". Другой раз: "На море была с 8 до 10, купалась от души, считая, что спектакль у меня вечерний. Потом неспеша зашла в магазин. Пришла домой в 11 часов 22 минуты. И тут же звонок: "Почему дома? В 12 спектакль!" Что со мной было! Бежала всю дорогу. В 12 была в театре, сперва как в тумане. Спектакль прошел отлично, слава Богу. А если бы задержалась?!"

Она была чутким человеком. Никогда не забывала принести после премьеры торт одевальщицам, отмечала знаки внимания к себе: "...Пришла в гримборную уборщица с каллами"... "Пришел мальчик, принес первые цветы"... "Сигал передал альпийские фиалки"... "А. М. прислал розы"... "Заходила Ира Брагинцева (в прошлом солистка оперы, незыбываемая Татьяна и... добрый человек — **В. М.**) поздравить с успехом"... "Маэстро Проваторов благодарил за спектакль"... "Приходил В., святой человек, как он сочувствовал мне, когда было худо..."

Она была ранима, у нее не было "локтей". Горько пришлось Раисе Михайловне, когда появилась талантливая соперница с очень трудным характером: забирала спектакли, лишила на целое десятилетие премьер... (Дело доходило даже до оскорбительных курьезов: та требовала, чтобы ее фамилия стояла в программках первой — вопреки алфавиту.)

К жизни Сергиенко в театре можно применить слова М. Максаковой о Е. Каткульской: "Ей пришлось пережить немало огорчений, подчас несправедливости, потому что не обладала иным оружием, кроме своего искусства. Но именно оно и помогло преодолеть все "колючки" и заставило всех преклониться перед нею, ее поистине рыцарским отношением к делу своей жизни".

Она никогда не отказывалась от поездок в колхозы, на заводы, в воин-

ские части. Не отказывалась и от маленьких ролей. Так, в опере В. Губаренко "Вий" народная артистка страны Сергиенко исполняла даже безымянную роль, обозначенную, как "нянька панны" (не знаю, что чувствовала при этом сама Раиса Михайловна, но мне было больно за нее: талант певицы и актрисы был достоин совсем иного применения).

К ней, к счастью, придет "вторая молодость": роли Любки, а затем Хиври в "Семене Котко", царевны Софьи в "Петре I", Сусанны в "Хованщине", роли матерей в "Семье Тараса", в опере "В бурю", в "Наталке-Полтавке" (в молодости она пела партии дочерей этих героинь). Сергиенко успешно вошла в старый спектакль "Царской невесты", создав запомнившийся образ Сабуровой. Ее последняя премьера — Ковалиха в "Незрелой любви".

Всего было спето около сорока партий, но они не исчерпали возможностей певицы. Она могла бы быть интересной Кумой ("Чародейка"), Февронией ("Китеж"), Иоанной ("Орлеанская дева"), Катериной Измайловой ("Леди Макбет Мценского уезда"), Анной ("Украдене щастя"), Шинкаркой в "Борисе Годунове"... Последняя роль была вполне реальной, но в ней отказали, ссылаясь на то, что партия написана для меццо-сопрано. А спела Шинкарку... сопрано, правда, жена режиссера. Это была последняя и особо горькая обида...

...Сергиенко унесла тяжкая "болезнь века". Остались хорошие воспоминания о хорошем человеке, большой певице, имя которой вошло в историю консерватории, ныне в ранге музыкальной академии отмечающей свое девяностолетие, Театра оперы и балета, города, да и всей страны, а — главное — оно в сердцах тех, кто имел счастье слушать и видеть Раису Михайловну.

Философия и фантазия

Творчество Михаила Рева вызывает и у зрителей, и у нас, скульпторов, художников, неослабевающий интерес. Действительно, с самого начала творческого пути его произведения свидетельствовали, что каждая его удача не случайна, а вписана в концепцию художника со своим видением мира, а пройденная им школа (Высшее художественное училище имени В. Мухомовой в Ленинграде) счастливым образом совпала с его внутренним ощущением смысла в искусстве.

Он очень рано понял, что эмоциональное воздействие изобразительного искусства возможно только с помощью пластических форм, и никакое самое достоверное подражание натуре не заменит этого. Вместе с тем все его работы есть результат прямого следования природе, изучения принципов построения всего живого.

Он внимательно следит за тем, как растет дерево, он влюблен в биологические формы обитателей моря и вообще животных. Он знает, как вода и ветер обтачивают камень. Из всего этого Михаил Рева создает свой мир, свои фантазии.

Путь философского осмысления в искусстве всегда сложен и иногда заводит в дебри противоречий, из которых трудно выбраться. Но у Миши есть путеводная звезда — это безупречное чувство красоты. Думаю, что он из тех людей, которые верят, что красота первична и спасет мир. Это эстетическое чувство прекрасного редко подводит его. Все его скульптуры, его призы, скрипки, раковины, прежде всего, очень красивы как предметы искусства, ими можно любоваться, к ним хочется прикоснуться рукой.

Автор сам верит в то, что мир этот добрый и чистый, и эта детская наивность подкупает зрителя. Миша может сделать произведение из чего угодно. Если ему дать в руки обломок ветки, булыжник и спичечную коробку, он создаст из этого замечательно красивую композицию.

То, что может сделать он, нельзя повторить, этому невозможно научиться, это дар Божий. Очень часто Михаил обходится в своих произведениях без участия человеческой фигуры, он использует абстрактные формы, просто предметы, такие как скрипка или стул, или часы. Думаю, он делает это не оттого, что разочарован в человеке, а в поиске новых выразительных средств в искусстве.

Для него любой предмет в этом мире может быть прекрасным и неповторимым, просто его нужно увидеть глазами художника. В этом смысле